Ур 228/88

ПАМЯТИ

заштатнаго діакона

АѲАНАСІЯ ПЕТРОВИЧА ДМИТРІЕВСКАГО

(† 9 ноября 1912 г.)

и его супруги

ЕЛЕНЫ ѲЕОДОРОВНЫ

(† 1 іюля 1913 г.) *)

Астрахань. Типография Губернскаго Правленія.

Э-228/88

ПАМЯТИ ЗАШТАТНАГО ДІАКОНА

Аѳанасія Петровича Дмитріевскаго

(† 9 ноября 1912 г.)

и его супруги

Елены Ѳеодоровны

(† 1 іюля 1913 г.). *)

9 ноября 1912 года скончался въ Красномъ Яру заштатный діаконъ *Аѳанасій Петровичъ Дмитріевскій*. Въ оффиціальной части одного изъ номеровъ мѣстныхъ „Епархіальныхъ Вѣдомостей“ въ двухъ стереотипныхъ строкахъ было оповѣщено, что сей заштатный діаконъ Дмитріевскій, *за смертію, исключается изъ списковъ*. Это обычная дань со стороны епархіи, служенію которой отданы были лучшіе и иногда многіе годы жизни, для громаднаго большинства, такъ называемыхъ, церковно-служителей, не преуспѣвшихъ перешагнуть въ духовной іерархіи дальше сана діакона. Ихъ дѣянія, правда, не громки и состоятъ въ обязанности *пѣть Богу своему разумно, дондеже есть*, рѣдко весьма и въ исключительныхъ случаяхъ жалуются установленными наградами, доступными для священника, а посему и некрологи

*) Съ удовольствіемъ даемъ мѣсто этому слову съ предваряющимъ его предисловіемъ достопочтеннаго нашего земляка—заслуженнаго профессора А. А. Дмитріевскаго на страницахъ нашихъ Епарх. Вѣдомостей. Не смотря на свое индивидуальное одержаніе, печатуемое слово имѣетъ и общественный интересъ, какъ ярко рисующее бытъ астраханскихъ клириковъ второй половины XIX вѣка; не лишена она и автобіографическаго значенія для его автора—достойнаго питомца нашихъ дух. учебныхъ заведеній. *Ред.*

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ
XIV-03965
И РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗЕЙ

этихъ скромныхъ труженниковъ оказываются безъ содержанія. Даже надгробныя рѣчи надъ ними — рѣдкое исключеніе. А между тѣмъ не хочется вѣрить, чтобы жизнь большинства этихъ скромныхъ труженниковъ псаломщиковъ, очень часто отцовъ большихъ семей, особенно если она, милостію Божіею, тянулась свыше 80 лѣтъ, изъ коихъ около 50 лѣтъ были всецѣло посвящены служенію Церкви Божіей, чтобы такая жизнь была совершенно безцвѣтна и не представляла бы ничего поучительнаго для другихъ, хотя бы и клириковъ того же ранга.

Послужной списокъ заштатнаго діакона Аѳанасія Петровича Дмитріевскаго (правда) обширенъ, но въ немъ свидѣтельствуется лишь о томъ, что онъ дьяческій сынъ (изъ Солодниковъ), поступилъ великовозрастнымъ въ духовную бурсу и, будучи малоподготовленнымъ къ ученію и при слабыхъ природныхъ способностяхъ, не могъ пойти дальше средняго отдѣленія. Мальчикомъ почти, онъ временно исполнялъ обязанности нештатнаго дьячка при градской Входо-Іерусалимской церкви, когда настоятельствовалъ въ ней извѣстный въ Астрахани ламаистъ о. Парменъ Смирновъ, состоявшій на духовно-училищной службѣ, а затѣмъ былъ опредѣленъ штатнымъ дьячкомъ въ станицу Лебяжинскую. Дальше, въ томъ же спискѣ называются, станица Дурная, селенія Басы и Пады, слобода Рахинка, приходы города Астрахани: Кресто-Воздвиженскій, Троицкій, Пророка Иліи на Кріушѣ, Іоанно-Златоустовскій, Казачій Бугоръ, снова Иліи Пророка на Кріушѣ и Казанскій, откуда, за болѣзнію (глухота), послѣдовала чистая отставка безъ всякой пенсіи. Этотъ значительный довольно перечень приходовъ, пройденныхъ А. П. Дмитріевскимъ, и есть тотъ тернистый путь, по которому прошла его длинная житейская карьера и который свидѣтельствуетъ безспорно о томъ, что онъ прилагалъ всѣ усилія, чтобы выбиться изъ тяжелыхъ жизненныхъ тисковъ, изъ крайней нищеты, доходившей до голодовки, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, и поставить свою многочисленную семью въ такія условія, при которыхъ явилась бы возможность дать приличное воспитаніе дѣтямъ въ школахъ епархіи.

Наградъ о. Дмитріевскій не имѣлъ никакихъ. Даже стихарь онъ взялъ, можно сказать, „съ бою“, послѣ усердной и длительной подготовки къ сдачѣ экзамена у строгаго экзаменатора о. ключаря (потомъ каѳедральнаго протоіерея) Г. Я. Пальмова, большого знатока церковнаго пѣнія и любителя образцоваго церковнаго благочинія и благолѣпія. Санъ

діакона полученъ имъ сравнительно легко, благодаря благости преосвященнаго епископа Евгенія (Шерешилова), по ходатайству за него причта и старосты Іоанно-Златоустовской церкви, нуждавшихся во второмъ діаконѣ на псаломщической вакансіи. Преосвященный епископъ Павелъ (Вельчинскій), благоволившій о. Дмитріевскому, предлагалъ ему даже священство въ новообразованныхъ приходахъ, но надвигавшаяся старость съ болѣзнію и необходимость порвать связи съ Астраханью, гдѣ у него жили дѣти и внуки—утѣшеніе и радость стариковъ—благоразумно удержали его отъ принятія этой „сугубой чести“.

Аккуратная пунктуальность въ исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей, прекрасное знаніе устава и простого и обиходнаго церковнаго пѣнія, отличная дикція въ чтеніи и глубокое благоговѣніе при совершеніи церковныхъ службъ и требъ, мягкій уживчивый характеръ, постоянное благодушіе, безусловное послушаніе старшимъ и добрыя дружескія отношенія къ сотоварищамъ по службѣ, рѣдкая общительность и услужливость прихожанамъ, дарившимъ не только его, но и всю его семью любовью, которая не ослабѣла, можно сказать, до самой его смерти, (на похороны отдать послѣдній долгъ явились многіе бывшіе его прихожане приходовъ: Кресто-Воздвиженскаго, Казанскаго и Ильинскаго)—все это, конечно, не нашло себѣ мѣста въ клировыхъ вѣдомостяхъ и въ послужномъ его спискѣ, но не можетъ быть, по нашему скромному мнѣнію, совершенно забыто и замолчено. Мы могли бы многое повѣдать изъ его жизни любопытнаго и назидательнаго и при случаѣ, на досугѣ, даже собираемся подѣлиться его воспоминаніями въ своихъ мемуарахъ, теперь же для полноты характеристики личности почившихъ, и чтобы выразить дань своей сыновней горячей признательности этимъ скромнымъ труженникамъ, давшимъ церкви и отечеству нѣсколькихъ хотя и скромныхъ, но полезныхъ дѣятелей на разныхъ поприщахъ, предлагаемъ вниманію читателей слово, произнесенное нами въ 40-ой день, по кончинѣ матушки (9 августа сего года), на кладбищѣ близъ фамильнаго склепа.

Пріидите, послѣднее цѣлованіе дадимъ, братіе, умершимъ, благодаряще Бога.
(Стихира на цѣлованіе въ чинѣ погребенія).

У этой дорогой всѣмъ намъ, возлюбленные братіе, сестры и племянники, могилы, въ которой нынѣ сокрыты многолѣтніе корни того благо-

сѣнолиственнаго и плодовитаго древа, вѣтки коего съ завтрашняго же дня раскидаются по лицу нашей матушки Руси великой, можно сказать, «отъ Финскихъ хладныхъ скалъ» почти «до пламенной Колхиды», и Богъ Одинъ вѣдаетъ, соберутся ли онѣ во всей своей цѣлокупности, какъ сейчасъ, когда-либо снова къ этимъ своимъ корнямъ, и склонятся ли надъ родною, дорогою могилою. У этой родной могилы вполнѣ благовременно на память себѣ привести вышеприведенныя умилительныя слова церковной пѣсни изъ «чина погребенія мірскихъ человѣкъ».

Да, мои дорогіе, къ могилѣ нашихъ незабвенныхъ кормильцевъ-тружениковъ мы должны всегда приходить съ молитвою на устахъ, «благодаряще Бога» Благодарить Отца Небеснаго мы всѣ должны прежде всего за то, что Онъ, по своей неизреченной благости, сохранилъ ихъ намъ до такихъ маститыхъ лѣтъ, когда, по словамъ Псалмопѣвца, естественно наступаетъ «трудъ и болѣзнь». И намъ слѣдуетъ вѣрить, что въ книгѣ судебъ, слѣдовательно, числятся за нашими дорогими родителями невѣдомыя намъ добродѣтели, которыя, по благости Провидѣнія, заслуживали награды—завиднаго для каждаго долголѣтія (оба старца скончались свыше 80 лѣтъ) и счастія видѣть своими старческими очами «сыны сыновъ своихъ».

Благодарить Бога мы должны и за то, что наши въ Бозѣ почившіе дорогіе старцы скончались, устроивъ судьбу всѣхъ своихъ дѣтей. Чтобы говорить такъ, какъ говорила мнѣ почившая наша матушка за четыре года до своей кончины: «Мнѣ никого теперь не жалко», надобно было имѣть глубокое и твердое убѣжденіе, что ея попечительный материнскій долгъ, по мѣрѣ силъ и средствъ, выполненъ и оконченъ, и что, по ея сознанію, дѣти ея теперь твердо стоятъ на своихъ ногахъ на добромъ пути, воспитывая по ихъ примѣру сами своихъ дѣтей. Правда, выполненіе этого долга досталось имъ не легко, но тѣмъ пріятнѣе для нихъ были результаты понесенныхъ въ этомъ отношеніи тяжелыхъ трудовъ и суровыхъ лишеній, и тѣмъ полнѣе они переживали чувство самоудовлетворенія, видя благіе результаты ихъ трудовъ и заботъ.

Длинный жизненный путь нашихъ незабвенныхъ старцевъ-родителей, особенно въ самую лучшую молодую пору ихъ жизни—послѣ супружества и до 1868 года, до перехода на службу въ Астрахань, преисполненъ терній. Бракъ нашихъ родителей состоялся подъ настойчивымъ давленіемъ суроваго семейнаго режима. Между молодыми супругами

было мало общаго и въ характерахъ и въ складѣ ума. Покойный батюшка нашъ, имѣя отъ природы характеръ мягкій и благодушный, былъ воспитанъ въ суровомъ режимѣ строгаго, крайне замкнутаго, отца, и весьма неуравновѣшанной по характеру своей матери, а по сему съ дѣтства былъ робокъ, застѣнчивъ и уступчивъ во всемъ. Скромныхъ природныхъ способностей, нашъ батюшка не получилъ полнаго образованія даже въ низшей школѣ, будучи уволенъ изъ средняго отдѣленія Вынужденный добывать себѣ кусокъ насущнаго хлѣба собственнымъ трудомъ, онъ не имѣлъ времени потомъ для самообразованія, что также вліяло на его самосознаніе и дѣлало его не въ мѣру уступчивымъ

Инымъ совершенно характеромъ обладала покойная наша матушка. Отъ природы надѣленная острымъ умомъ и сильнымъ характеромъ, закаленнымъ суровымъ воспитаніемъ бѣдной и строгой семьи, безъ всякаго школьнаго образованія, рано очень вынужденная познакомиться съ тяжелымъ трудомъ и борьбою изъ-за куска насущнаго хлѣба, она развила въ себѣ непреклонную силу воли и самостоятельность. Естественно и въ спутникѣ жизни искала она себѣ подобнаго и не безъ сильной душевной борьбы, уступила сложившимся для нея неблагопріятнымъ семейнымъ обстоятельствамъ, при выходѣ въ замужество. Въ матеріальномъ отношеніи нежеланный бракъ не представлялъ ничего заманчиваго въ качествѣ жены дьячка бѣдной казачьей станицы. Но разъ эти обстоятельства сложились не такъ, какъ ей хотѣлось, матушка не могла уже, по своему характеру, быть равнодушной и покойной, но вступила въ упорную борьбу съ цѣлью создать трудами рукъ своихъ и настойчивостью сносную семейную обстановку. Для матушки нашей, по опыту ранней молодости, никакой честный трудъ не былъ уже страшенъ и унизителенъ, разъ черезъ него достигалось нѣкоторое благополучіе и зарабатывался честный кусокъ насущнаго хлѣба. Весною вмѣстѣ съ своимъ мужемъ она ловила рыбу сѣтями, исполняя при немъ роль гребца въ лодкѣ. Когда же окончена бывала ловля, она тотчасъ же принималась рѣзать рыбу, таскать въ чаны съ тузлукомъ, развѣшивать ее по вѣшаламъ и т. п. и не уходила на отдыхъ домой, пока не была закончена эта работа По спадѣ воды, цѣлые дни она собирала спаржу и солодскій корень и нерѣдко въ единственномъ числѣ все это она отвозила на продажу (жили родители въ станицѣ Дурновской въ 20 верстахъ отъ города). Зимою иногда проводила безсонныя ночи на такъ

называемыхъ «сѣдебкахъ» для лова рыбы подъ льдомъ. Если оставалось свободное время, матушка, исполнивъ всѣ свои домашнія работы, садилась за шитье на людей, и за этой работой просиживала иногда до глубокаго утра. Такимъ то образомъ она пополняла скудный бюджетъ своего бѣднаго мужа.

Едва ли и слѣдуетъ прибавлять, что съ появленіемъ, черезъ три года ихъ супружества, семьи, которая потомъ умножалась почти погодно и достигнула въ концѣ численностію 11 душъ, что жизненныя потребности и насущныя нужды нашей семьи возростали, а доходы и средства къ жизни, при бѣдности приходовъ (Пады и Рахинка), становились все хуже и меньше. Только закаленная желѣзная воля и изумительно находчивый свѣтлый умъ нашей матушки дѣлали и въ это тяжелое для семьи время то, что жалкіе гроши и копѣйки ничтожныхъ доходовъ (отецъ иногда получалъ 1 руб. 50 коп. въ мѣсяцъ) превращались непостижимымъ для окружающихъ образомъ въ рубли, а каждый дѣтскій костюмъ, предназначенный при своемъ созданіи обычно на плечи первенца, переходилъ потомъ по преемству въ нисходящей градаціи не менѣе какъ двухъ другихъ дѣтей. Нечего и говорить, что все домашнее хозяйство, страдная пора на нивѣ и сѣнокосѣ не миновали рукъ нашей матушки, которая, въ короткіе часы знойнаго полуденнаго отдыха должна была отдавать свободное время своимъ малышамъ, въ полномъ составѣ покидаемымъ на попеченіе старшаго сына—7—9 лѣтъ, и укрывшимся подъ телѣгою, съ одною или даже сразу двумя люльками.

Проданная единственная кормилица полуголодной семьи корова дала средства, чтобы первенца на полубуксирномъ пароходѣ снарядить въ Астрахань для поступленія въ духовное училище. Съ ужасомъ нашимъ родителямъ приходилось думать при этомъ о томъ, что съ этою коровою истощены всѣ рессурсы и уже не предвидѣлось впередъ никакихъ средствъ для снаряженія туда же двухъ слѣдующихъ за первенцемъ дѣтей. И несомнѣнно только переходъ нашего отца на мѣсто псаломщика въ Астрахань въ присно благословенный Воздвиженскій приходъ разрѣшилъ благополучно этотъ назрѣвавшій тяжелый семейный кризисъ. Но чтобы попасть на это мѣсто своего новаго служенія нашему бѣдному родителю пришлось отъ слободы Рахинки до Астрахани въ зимнее время (съ января по конецъ февраля) совершить тяжелый путь на собственныхъ ногахъ съ котомкою за плечами...

Въ Астрахани, гдѣ матеріальныя средства нашей семьи значительно улучшились, родитель нашъ за свою готовность услужить каждому и рѣдкую исполнительность по службѣ, соединенную съ прекрасными качествами чтеца и пѣвца, пользовался со стороны прихожанъ любовью, простиравшуюся и на всю нашу семью, видѣвшую съ ихъ стороны и ласки и разнообразную матеріальную помощь, явилась необходимость воспитывать въ училищѣ уже трехъ старшихъ дѣтей (одинъ былъ принятъ на казенное содержаніе, одинъ на полукоштъ и одинъ—въ архіерейскій хоръ), сносно одѣть и матеріально обставить. И нельзя не вспомнить теперь съ умиленіемъ, что нашей матушкѣ наивысшее удовольствіе доставляло, когда она слышала отъ своихъ знакомыхъ, что ея дѣти и одѣты и обставлены въ училищѣ не хуже дѣтей священническихъ. Мы имѣли скромные, но всегда чистенькіе и крѣпкіе костюмы, манишечки по праздникамъ, приличную обувь и новенькія фуражечки и шапочки. Самоваръ въ сундучкѣ и ежедневное чаепитіе съ домашняго приготовленія сухариками и печеніями—это служило прямо предметомъ зависти многихъ нашихъ сотоварищей, дѣтей болѣе состоятельныхъ родителей, чѣмъ наши. И мы, дѣти, цѣнили эту нѣжную попечительность нашихъ родителей, и всѣми доступными нашему дѣтскому возрасту средствами старались помогать имъ въ ихъ самоотверженной любви и заботѣ о своихъ дѣтяхъ: мы были бережливы и расчетливы въ каждой копѣйкѣ, даваемой намъ матушкою на лакомства, когда по праздникамъ мы отправлялись въ училище, мы охотно и съ восторгомъ несли матушкѣ каждый гривенникъ, полученный нами за услуги въ алтарѣ или въ домахъ прихожанъ, мы не отказывались дѣлить съ отцомъ тяжелый трудъ чтенія Псалтири по покойникамъ и не только днемъ, но даже и ночью, давая ему, такимъ образомъ, часъ—другой сомкнуть свои усталые глаза и отдохнуть его отекшимъ ногамъ; на Рождество и Пасху мы—тріо ходили съ канточками и рацеями—по домамъ добрыхъ прихожанъ, охотно насъ принимавшихъ и щедро насъ одаривавшихъ. Всѣ эти дѣтскіе заработки были нѣкоторымъ подспорьемъ ограниченному бюджету родителей, а въ насъ они будили пріятное сознаніе, что мы и кушаемъ и одѣваемся на свою трудовую копѣйку. Нѣсколько позднѣе поддержкою для семьи являлся, въ частности съ моей стороны, значительный для того времени (около 40 руб. въ мѣсяцъ) поурочный заработокъ. Эта послѣдняя помощь особенно оказалась благовременною и необходимою,

когда нашъ батюшка, за сокращеніемъ штатовъ, вынужденъ былъ оставить благословенный Крестовоздвиженскій приходъ и служить въ бѣднѣйшихъ приходахъ города Астрахани--у Троицы и на Кріушѣ у Ильи Пророка. И такимъ-то образомъ, при всѣхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, нашимъ родителямъ въ концѣ концовъ Богъ помогъ благополучно всѣхъ дѣтей своихъ вывести въ люди и поставить на надлежащую дорогу. Многіе изъ этихъ дѣтей нынѣ сами сдѣлались уже родоначальниками собственныхъ большихъ семей и всѣ нынѣ на хорошихъ мѣстахъ... Достойно и праведно посему всѣмъ намъ едиными усты сказать: слава Богу за все, а нашимъ незабвеннымъ труженникамъ--родителямъ вѣчная память!

Благодареніе Богу мы должны возносить и за то, что наши старцы-родители, пребывая въ непрестанныхъ трудахъ и заботахъ о своей большей семьѣ, въ тоже время не были глухи и весьма отзывчивы къ нуждамъ и горю и своихъ многочисленныхъ родственниковъ. И передъ этою свѣжею могилою, въ присутствіи всѣхъ родныхъ, пришедшихъ отдать нашимъ незабвеннымъ старцамъ дань молитвенной признательности, смѣло можно говорить, что у нихъ отсутствовало совершенно дѣленіе родныхъ на „моихъ“ и „твоихъ“, каковое довольно нерѣдко можно видѣть въ другихъ семействахъ. Напротивъ, въ родной нашей семьѣ мы видѣли въ этомъ отношеніи нѣчто прямо удивительное: нерѣдко племянники и племянницы нашего батюшки пользовались симпатіей нашей матушки въ большей степени, и наоборотъ, родственники со стороны матери были милѣе и пріятнѣе для нашего батюшки. И доживать свои послѣдніе годы и умирать охотно пожелалъ нашъ батюшка подъ кровомъ племянницы со стороны матери, и настойчиво отказался отъ безкорыстныхъ услугъ своей родной племянницы. И благодареніе Господу, всѣ наши родные охотно шли въ радушный домъ нашихъ старцевъ. Ихъ не страшилъ даже тѣсный пріютъ послѣднихъ лѣтъ въ богадѣльнѣ, гдѣ они нѣкоторое время имѣли пристанище, въ полной увѣренности, что они встрѣтятъ и искреннее родственное гостепріимство, и услышатъ ласковое ободряющее слово и даже получатъ возможную матеріальную поддержку. Не удивительно, поэтому, что нѣкоторые племянники называютъ нашу покойную матушку прямо „второю матерью“...

Благодареніе Господу мы должны воздать и за то, что наши добрые родители, стараясь воспитать насъ въ строгомъ церковно-религіоз-

номъ направленіи и вкорѣнить въ насъ горячую любовь ко храмамъ Божіимъ и сознательное пониманіе красоты и величественности церковнаго богослуженія, въ тоже время сами, въ личной жизни, показывали намъ достоподражательные примѣры христіанской благочестивой жизни. О нашемъ родителѣ, истовомъ церковникѣ, какіе въ наши дни уже составляютъ лишь счастливое исключеніе, едва-ли и слѣдуетъ много говорить, но и наша покойная матушка въ этомъ отношеніи представляетъ не заурядное явленіе. Тяготѣніе и любовь къ святымъ мѣстамъ у нея проходитъ красною нитью черезъ всю долголѣтнюю ея жизнь и можно даже говорить, что и то и другое было у ней на столько сильною страстью и душевною насущностью, что, въ дни своей молодости, при крайней ограниченныхъ средствахъ, со мною, малюткою 9 лѣтъ, изъ Рахинки до Царицына совершала пѣшкомъ паломничество къ „Девятой пятницѣ". Воронежъ и Задонскъ она посѣтила, затративъ на это путешествіе мой первый заработокъ на урокахъ. Святыни Казани, Москвы, Троицы-Сергіевской Лавры и ея окрестностей, Новаго Іерусалима, Кіева (нѣсколько разъ), Почаева, Сарова и Петербурга она посѣтила, пользуясь моимъ служебнымъ положеніемъ въ этихъ городахъ и вблизи къ нимъ. Покойный батюшка богомольствовалъ въ тѣхъ же святыхъ мѣстахъ, за исключеніемъ Почаева и Новаго Іерусалима.

Въ 1898 году въ теченіе четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (по сентябрь) на долю матушки выпало великое утѣшеніе—помолиться въ Іерусалимѣ, Виѳлеемѣ, въ Хевронѣ, на Іорданѣ и въ Константинополѣ. Это путешествіе къ мѣстамъ страданій Нашего Спасителя произвело на душу ея неизгладимое глубокое впечатлѣніе. Особенно глубоко врѣзались въ ея памяти трогательныя ночныя богослуженія на Гробѣ Господнемъ и на Святой Голгоѳѣ. Она до кончины жила мечтою и лелѣяла надежду повторить это незабвенное путешествіе... И намъ нынѣ подобаетъ молить Человѣколюбца Господа, да даруетъ Онъ ей узрѣть благая Горняго Іерусалима.

Таковы наши корни, нынѣ сокрытые подъ спудомъ этого склепа, который для насъ, дѣтей почившихъ незабвенныхъ старцевъ, дорогъ и присно незабвененъ. Но мы, дѣти ихъ, и сами имѣемъ дни своей жизни уже преполовившимися и склоняющимися къ закату, а посему хотѣлось бы, и объ этомъ сейчасъ наша усердная просьба къ молодому, начинающему жизнь, поколѣнію, раздѣляющему нашу настоящую поминаль-

ную молитву, т. е. къ внукамъ, чтобы и когда насъ не станетъ на бѣломъ свѣтѣ, не забывали бы тропы, идущей къ этой родной могилѣ, и памятовали бы крѣпко объ этихъ дорогихъ общихъ корняхъ и произносили бы благоговѣйно съ крестнымъ знаменіемъ: „Вѣчная память незабвеннымъ старцамъ“.

С.П.Б. Заслуженный профессоръ *Алексѣй Дмитріевскій.*

Отдѣльный оттискъ изъ № 30 „Астраханск. Епархіальн. Вѣдомостей“ за 1913 годъ.

Астрахань. Паровая Губернская Типографія.